

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-76-83

EDN: RLRXVY

Лексема «кукла» в поэтическом дискурсе Серебряного века

Анна Ангелина Олеговна Будник

Аспирант кафедры русского языка и стилистики ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького». 123104, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25
an.budnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-7803>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексико-семантических символических расширений значения слова «кукла» в стихотворных текстах наиболее значимых поэтов Серебряного века: М. Цветаевой «Только девочка» (1909 г.), «Скучные игры» (1909–1920 гг.), К. Случевского «Кукла» (точная дата неизвестна), В. Брюсова «Девочка с куклой» (1912 г.), И. Анненского «Старые эстонки» (1906 г.), «То было на Валлен-Коски» (1909 г.), К. Бальмонта «Кукольный театр» (1903 г.), Г. Иванова «Я не хочу быть куклой восковой» (1926 г.).

Новизна и актуальность данной работы определяется тем, что в ней впервые рассматривается лексема *кукла* в поэзии Серебряного века с позиций лингвистической поэтики и стилистики.

Лексема *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века реализована не только в прямом, но и в переносном метафорическом значении: она является символом или парафразом *человека*. Её «лицетворённость» становится вариативной: *кукла* может выступать в качестве объекта – игрушки, или в качестве субъекта.

Исследование показало, что лексема *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века не только расширяет свою семантику от детской игрушки, традиционной бытовой детали до выражения многообразных состояний и эмоций лирического субъекта, преимущественно негативных, но даже становится символом смерти.

Ключевые слова: кукла; лексическая семантика; поэтический дискурс; Серебряный век; лингвистическая стилистика; лингвистическая поэтика; русский язык

Для цитирования: Будник А. А. О. Лексема «кукла» в поэтическом дискурсе Серебряного века // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 76–83. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-76-83>. <https://elibrary.ru/RLRXVY>

Original article

The Doll in the Silver Age poetic discourse

Anna Angelina O. Budnik

Postgraduate student of the Russian language and stylistics department, Maxim Gorky Literature Institute. 123104, Moscow, Tverskoy Boulevard, 25
an.budnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5025-7803>

Abstract. This article is devoted to considering lexical and semantic symbolic extensions of the «doll» meaning in the poetic texts of the most significant Silver Age poets: M. Tsvetaeva «Only a Girl» (1909), «Boring Games» (1909–1920), K. Sluchevskiy's «A Doll» (exact date unknown), V. Bryusov's «A Girl with a Doll» (1912), I. Annenskiy's «Old Estonian Women» (1906), «That was on Wallen-Koski» (1909), K. Balmont's «A Puppet Theatre» (1903), G. Ivanov's «I Don't Want to Be a Wax Puppet» (1926).

The novelty and relevance of this work is determined by the fact that this is the first consideration of the lexeme *doll* in the Silver Age poetry from the standpoint of linguistic poetics and stylistics.

The doll in the Silver Age poetic discourse is realized not only in a direct, but also in a figurative metaphorical meaning: it is a symbol or a paraphrase of a *human*. Its «personification» becomes variable: the doll can act as an object, or as a subject. The research shows that the lexeme *doll* in the poetic discourse of the Silver Age not only extends its semantics from a child's toy, a traditional household detail, to express the lyrical subject's manifold states and emotions, mostly negative, but also becomes a symbol of death.

Key words: doll; lexical semantics; poetic discourse; Silver Age; linguistic stylistics; linguistic poetics; Russian language

For citation: Budnik A. A. O. The Doll in the Silver Age poetic discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):76–83. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-76-83>. <https://elibrary.ru/RLRXVY>

Введение

В современной науке о языке становится всё более актуальным исследование дискурса как комплексной языковой единицы, расположенной выше уровня текста, однако значительно более сложно организованной, чем нижестоящие единицы и включающей в себя социальные, психологические, кинетические, этнографические аспекты построения и восприятия речи [Григорьева, 2007, с. 46–57]. Исследования в этой области позволяют говорить о существовании особого поэтического дискурса, выделенного для анализа художественных стихотворных текстов [см., например, Карасик, 2002, с. 477; Фатеева, 2017, с. 360; Феценко, 2018, с. 226–237]. Одним из ведущих специалистов, занимавшихся изучением лингвистической поэтики, был российско-американский исследователь Р. О. Якобсон, который подробно рассматривает поэтическую функцию языка в своей работе «Поэтика и лингвистика». По Якобсону, эта функция, не ограничиваясь исключительно стихотворным полем, отвечает за углубление фундаментальной дихотомии знаков и объектов, а также за усиление «осязаемости» (*palpability*) в сообщении [Jacobson, 1981, с. 28]. Ричард Д. Кёртон объясняет специфические свойства поэзии прежде всего её ритмическими особенностями, которые связывают поэтический дискурс одновременно с природой и её ритмами и с многовековой культурной традицией [Cureton, 1997, с. 10–15].

Можно говорить и о существовании поэтического дискурса Серебряного века как особого речевого воплощения в культуре и литературе. Так, Р. Тур утверждает, что в силу своих структурных, семантических и фонетических особенностей организация поэтического текста настолько отличается от обычной речи, что создаёт у читателя своеобразное, мистическое впечатление [Tsur, 2010, с. 18–19].

Новизна данной работы определяется тем, что в ней впервые рассматривается лексема *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века с позиции лингвистической семантики и лингвистической поэтики.

Кукла, представляющая собой модель человека, предназначенную для игрового, творческого или ритуального взаимодействия с ней, существовала и продолжает существовать не только как главная детская игрушка, но и как особенный атрибут в многочисленных культурах и самых разнообразных исторических эпохах. Она может

олицетворять ребёнка в контексте детской игры, быть воплощением конкретного персонажа в театрализованных представлениях и даже соответствовать реально существующему человеку в условиях магических практик разных народов (кукла Вуду, кукла-оберег и т. д.) [Березняк, 2009, с. 167–172; Каравашкина, 2012, с. 125–129]. Кукла и в наши дни играет важную роль: это и детская игрушка, в том числе обучающая, и модель человека, с которой взаимодействует каждый ребёнок.

Учитывая, что художественные тексты определённого периода всегда отражают современные им семантику, стилистические коннотации и употребление в языке в целом того или иного слова-понятия, интересно рассмотреть лексему *кукла* в стихотворных текстах Серебряного века в лингвистическом аспекте. Это и является целью данной статьи. Для достижения этой цели были отобраны поэтические тексты, в которых *кукла* описана наиболее подробно, те стихотворения, в которых *кукла* является центральным или композиционно значимым компонентом языковой организации; с помощью традиционных научных методов проанализировано слово (понятие / образ) *кукла* в отобранных поэтических текстах; выявлены и изучены особенности поэтической семантики в отношении лексемы *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века.

Теоретическая значимость работы следует из её актуальности и новизны и определяется новыми знаниями о поэтическом языке Серебряного века, а также разработкой научной сферы, посвящённой исследованию *куклы* [см., напр., Tiffany, 2000, с. 11–23]. Практическая значимость заключается в возможности использования материалов статьи в преподавательской и лексикографической практике.

Методы и подходы исследования

Главной целью статьи является выявление и рассмотрение особенностей употребления лексемы *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века, развитие у этого слова новой семантики и оригинальных символических стилистических коннотаций. Поэтому в качестве основных были избраны методы описания, лексико-семантического и стилистического анализа; для сбора в поэтических текстах необходимого языкового материала использовался метод полной выборки.

Результаты исследования

Вопрос о хронологических рамках Серебряного века остаётся спорным: если его началом принято считать рубеж 1880–90-х годов, то окончанием данного периода некоторые исследователи называют начало Гражданской войны, другие – смерть Александра Блока [Литературная энциклопедия..., 2001, с. 1600] и расстрел Николая Гумилёва [Литературная энциклопедия..., 2001, с. 1600]. В данной работе принимается точка зрения, согласно которой конец Серебряного века приходится на рубеж 1920–30-х годов и связан с самоубийством Владимира Маяковского [Литература и язык..., 2006, с. 984].

Серебряный век известен многообразием поэтических направлений, среди которых представлены символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм и др [Strakhovskiy, 1959, с. 61–63]. Кроме того, некоторых поэтов Серебряного века (например, Марину Цветаеву, чьи стихи будут рассмотрены далее) сложно четко отнести к одному из литературных направлений [Скатов, 2005, с. 619–623]. В связи с этим необходимым уточнением для настоящей работы будет следующее: при анализе лексико-семантических единиц в отношении *куклы* в поэтическом дискурсе Серебряного века следует учитывать не только личную авторскую, но и связанную с литературным направлением обусловленность. Так, многие поэты-символисты увлекались мистицизмом и многократно прибегали к образам мистического в своих произведениях, особое внимание уделяя неразрывности любви и смерти [Shamina, 2016, с. 163]. Этим может быть обусловлен и интерес к кукле – знаку, соединяющемуся в нашем сознании с такими категориями, как беспомощность, хрупкость, фальшивость, лживость, двойничество и др.

Для решения поставленной цели были выбраны восемь стихотворных текстов: «Только девочка» (Марина Цветаева, 1909 г.), «Скучные игры» (Марина Цветаева, 1909–1920 гг., точная дата неизвестна), «Кукла» (Константин Случевский, точная дата неизвестна), «Девочка с куклой» (Валерий Брюсов, 1912 г.), «Старые эстонки» (Иннокентий Анненский, 1906 г.), «То было на Валлен-Коски» (Иннокентий Анненский, 1909 г.), «Кукольный театр» (Константин Бальмонт, 1903 г.), «Я не хочу быть куклой восковой» (Георгий Иванов, 1926 г.).

К наиболее традиционному для русской поэзии словесному образу *куклы* [Стукалова, 2016, с. 613–627] прибегает в своей поэтике Марина Цветаева. В её стихотворениях *кукла* не приобре-

тает символического или метафорического значения. Лексема *кукла* номинирует соответствующий ей конкретный предмет. *Кукла* предстаёт детской игрушкой, олицетворяющей ребёнка, которую лирический субъект (термин А. Белого [Белый, 1988, с. 169]) (девочка в одном случае и девушка, называющая себя девочкой, чтобы обозначить свою «детскость», – в другом) использует для игры в дочки-матери:

*Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.*

(«Только девочка», 1909 г.) [Цветаева, 1994, с. 143].

*Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть – надоело!*

(«Скучные игры», 1909–1920 гг., точная дата написания неизвестна) [Цветаева, 1994, с. 113].

В первом примере очевидно проведение параллели между *куклой* и *ребёнком*: Цветаева заменяет слово *ребёнок* парфразом «не кукла, а почти»; она включает *куклу* в лексико-семантические поля «детство», «материнство»; *девочка* в стихотворении предстаёт будущей матерью.

В стихотворении «Скучные игры» можно видеть корреляцию между материнством (пусть и игровым) и *куклой*. Кроме того, укажем, что в данном случае *кукла* определена как «глупая». С одной стороны, это определение отражает отношение лирического субъекта к *кукле* – он не хочет *играть в маму*, становится матерью и, как следствие, экстраполирует свои эмоции на предполагаемого «ребёнка», то есть *куклу*; с другой стороны, данная характеристика раскрывает иной аспект *куклы*: она – это только модель человека, пустая, лишённая сознания. Таким образом, *кукла* становится синонимом *бессознательности, искусственности, духовной пустоты*. Подобная реализация *куклы*, как и представление о ней как об игрушке, характерна и для более ранних периодов русской литературы [Стукалова, 2016, с. 613–627]. Однако отрицание лирической героиней традиционно женских обязанностей характерно уже именно для поэтического дискурса Цветаевой, отвергающей навязываемые обществом гендерные роли, её склонности сме-

шивать маскулинные и фемининные черты, создавая андрогинные образы [см., напр., Gove, 1977, p. 235; Kroth, 1979, p. 567–569].

Куклу в качестве детской игрушки, а, следовательно, в пределах лексико-семантического поля «детство», рассматривает и Константин Случевский в стихотворении «Кукла» (точная дата написания неизвестна):

*Куклу бросил ребенок. Кукла быстро свалилась,
Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
Бедная кукла! Ты так неподвижно лежала
Скорбной фигуркой своей, так покорно сломилась,
Руки раскинула, ясные очи закрыла...
На человека ты, кукла, вполне походила!*
[Случевский, 1906, с. 183]

Связь с материнством в данном произведении не устанавливается, и кукла становится синонимом не *ребёнка*, но *человека*. Сравнение проводится автором эксплицитно: «На человека ты, кукла, вполне походила!»

Ещё одним доказательством тому служит обращение к кукле – таким образом она одушевляется, становится субъектом. Но границы между понятиями остаются чёткими, кукла к человеку не приравнивается, автор не называет человека куклой. В контексте сравнения важно отметить жертвенные качества куклы: *бедная кукла, скорбной фигуркой, покорно сломилась*, которые автор, видимо, переносит и на своё представление о человеке. Кукла бездейственна, не имеет собственной воли, подчиняется внешним обстоятельствам, не обладает возможностью им сопротивляться. Кукла в данном тексте ассоциируется со слабостью, несамостоятельностью, но вместе с тем вызывает особые чувства сожаления и сострадания к ней. Можно предположить, что через схожий с человеком словесный образ куклы Константин Случевский передаёт своё восприятие человека и отношение к нему.

В стихотворении старшего символиста Валерия Брюсова «Девочка с куклой» (1912 г.) кукла также представлена как детская игрушка, предназначенная для девочки (при этом корреляция между игрой и материнством в тексте не подчёркивается): «Что же ты сделала, девочка милая, // С фарфоровой куклой своей?» [Брюсов, 1973, с. 168]. Во многом представление о кукле Валерия Брюсова близко представлению о кукле Марины Цветаевой. В стихотворении не просле-

живается сравнение куклы и человека, однако можно говорить о характере этого сравнения: «Глаза открывала и закрывала она, // Папа-мама могла говорить» [Брюсов, 1973, с. 168]. В этих строках кукла одушевляется лишь частично; на семантическом уровне расширяется значение, а на грамматическом – кукла становится подлежащим, субъектом, способным к действию. Так же, как и в стихотворении «Кукла» Случевского, в этом тексте кукла наделяется такими качествами, как отсутствие собственной воли, подчинение обладателю (ребёнку): «Когда было скучно, её колотила я», «А теперь совсем безмолвно стала она», «Девочка милая, сама ты разбила её» [Брюсов, 1973, с. 168]. Кукла страдает от внешнего воздействия (как и у К. Случевского), становится жертвой. Разница состоит в том, что у Валерия Брюсова источником насилия в отношении куклы становится конкретный человек, а не обезличенная фигура общества или судьбы, как в стихотворении «Кукла» Случевского. У Брюсова кукла ассоциируется с объектом немотивированной жестокости. При этом жестокость девочки подчёркивается с помощью слова *нежная*, которое строит в тексте рядом со словом «девочка». В произведении Брюсова кукла приобретает хрупкость: она становится *фарфоровой*, в ней *появляется трещина*, она *может разбиться*. Эта хрупкость влечёт за собой возможность лёгкой утраты, недолговечности (что также ассоциируется с человеком) – после поломки куклу уже нельзя восстановить:

*– Хочу, чтоб была она снова, как прежняя,
Такой, как прежде, совсем.
– Девочка милая, сама ты разбила ее.
Теперь куклы прежней – нет...*
[Брюсов, 1973, с. 168].

С утратой и жестокостью ассоциируется кукла и в стихотворении «Старые эстонки» (1906 г.) символиста Иннокентия Анненского. Заглавные героини его текста полны скорби и отчаяния, они травмированы:

«Вот вошли, – приседают так строго», «Их одежда темна и убога», «от тягостной жути», «Что в сердцах похоронено веры...», и т. д., но поэт называет их *куклами*:

*Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берез на могилах...
Вы молчите, печальные куклы,
Сыновей ваших... я ж не казнил их...*
[Анненский, 1990, с. 203–204].

В этом тексте кукла олицетворяет существо, внешне выглядящее как человек, но больше похожее на мертвеца, что подчеркивается словами *жуть, могилы*. Кроме того, кукла вновь приобретает значение «жертвы»: «*Сколько раз я просил их: «Забудьте...» // И читал их немое: «Не можем» // Как земля, эти лица не скажут, // Что в сердцах похоронено веры...*» [Анненский, 1990, с. 203–204]. Эта жертва вызывает сострадание: «*Я, напротив, я очень жалел их, // Ты жалел их... На что ж твоя жалость*» [Анненский, 1990, с. 203–204].

В другом стихотворении Иннокентия Анненского «То было на Валлен-Коски» (1909 г.) кукла становится центральным образом. В целом ее семантика совпадает с общей позицией в реализации лексемы *кукла* в поэтическом дискурсе Серебряного века – кукла связана с характеристикой беспомощности («*Разбухшая кукла ныряла // Послушно в седой водопад*»), страдания и немотивированной жестокости: «*В утеху нам куклу бросали // В то утро в четвёртый раз, // Спасенье её неизменно // Для новых и новых мук*», лексема синонимична слову *жертва*, поэтому вызывает сочувствие: «*Комедия эта была мне // В то серое утро тяжка, // Что сердцу обида куклы // Обиды своей жалчей*» [Анненский, 1988, с. 67].

Но вместе с тем лексема *кукла* обретает и новые семантические оттенки. *Кукла* в стихотворении имеет свою волю и стремление сопротивляться: «*И долго кружилась сначала, // Всё будто рвалась назад*» [Анненский, 1988, с. 67], что придает её характеристике желание вольности и приближает к представлению о живом человеке, ещё не *мёртвом внутри*. Как пишет С. Карлинский, Анненский, несмотря на трагизм и мрачность ситуации, никогда не упускает жизнь из поля зрения [Karlinsky, 2013, с. 90]. С семантической точки зрения, степень «олицетворённой» *куклы* повышается по сравнению с другими текстами, рассмотренными ранее. Грамматически же *кукла* одушевлена полностью и выступает в качестве субъекта. Тем не менее, «спасение» *куклы* ведёт к *новым мукам*, поэтому представление о ней продолжает оставаться связанным с отчаянием и зависимостью от внешних сил, которые в тексте И. Анненского воплощены в бросающих *куклу* в воду героях и которым не даётся никаких определений, они остаются безличными и, как следствие, ассоциируются с тёмными силами судьбы. Анненский проводит параллель не просто между *куклой* и *человеком* как таковым, а

между *куклой* и лирическим субъектом, что является традицией [Николюкин, 2001, с. 1600]. Поэт связывает *куклу* с одиночеством и находит в её одиночестве отражение своего:

*И в сердце сознание глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах...*
[Анненский, 1988, с. 67].

В конце стихотворения, когда автор сравнивает и связывает понятия старости и одиночества, *кукла* становится *старой* (в год написания «То было на Валлен-Коски», в 1909 г., Анненскому 54 года и в этом же году он умрёт [Никонов, 1962, с. 966–971]).

Стихотворение ещё одного символиста Константина Бальмонта «Кукольный театр» (1903 г), как видно из названия, полностью посвящено *куклам-марионеткам*, продолжает эту же «гофмановскую» традицию пугающего образа *куклы* в поэзии Серебряного века. Интерес к творчеству Гофмана в эпоху Серебряного века с особенной силой проявляется у символистов, так как многое в их художественной системе и поэтическом языке совпадало с проблематикой и сопровождающими её особыми художественными приёмами немецкого романтика. Александр Блок отмечал, что «символизм связан с романтизмом глубже всех остальных течений» [Блок, 1961–1963, с. 370].

Через идейно-тематическое наследие Гофмана символистам удалось осмыслить и выразить не только отношения человека с самим собой в условиях современного ему мира, ни и новые тенденции, этому миру свойственные. Как и Гофман, одной из таких тенденций символисты назвали процесс механизации человека, утрату человеком души и превращение его в *куклу, марионетку* [Королёва, 2021, с. 270]. В «гофманской» традиции Серебряного века *кукла* ассоциируется с понятиями «автоматизации», «искусственности», «бездуховности», «равнодушия», «внутренней пустоты», «социальной нормативности», «подчинённости» и становится синонимом человека, обладающего этими перечисленными характеристиками.

У Константина Бальмонта все эти ассоциации находят самое прямое языковое воплощение: «*Их каждый взгляд рассчитанно-правдив, // Их каждый шаг правдоподобно-меток*» (автоматизация), «*Чувствительность проворством заме-*

нив» (искусственность, равнодушие), «*Их modus operandi прозорлив*» (автоматизация, бездуховность), «*Они играют в жизнь, в мечту, в любовь, // Без воплей, без стихов, и без вещанья*» (искусственность, внутренняя пустота), «*Так веселы и вместе с тем бездушны*» (бездуховность), «*Художественным замыслам послушны, // Осуществляют формулы страстей, // К добру и злу, как боги, равнодушны*» (автоматизация, равнодушие) и т. д.; примеры можно найти почти в каждой строке [Бальмонт, 1903, с. 249]. Кроме того, Бальмонт выделяет ещё одну характеристику куклы, как представляется, также являющуюся следствием влияния Гофмана – это вторичность (у немецкого романтика была развита идея двойничества, двоемирия [Королёва, 2021, с. 270–281]):

*Я в кукольном театре. Предо мной,
Как тени от качающихся веток,
Исполненные прелестью двойной,
Меняются толпы марионеток.*
[Бальмонт, 1903, с. 249]

Также автор связывает куклу с понятиями *безмолвности, немоты и тишины, бездействия*: «*Они полны немого обаянья*», «*Понявши всё изящество молчанья*», «*В волшебном царстве мёртвой тишины*», «*Смущённое жестокой тишиной*» [Бальмонт, 1903, с. 249].

Наиболее четко ассоциируется кукла со смертью у Георгия Иванова в его стихотворении «*Я не хочу быть куклой восковой*» (1926 г). Автор проводит параллель между куклой и трупом, человеком, мёртвым уже не только метафорически:

*Я не хочу быть куклой восковой,
Добычей плесени, червей и тленья,
Я не хочу могильною травой
Из мрака пробиваться сквозь каменья.*
[Иванов, 1994, с. 509]

В контексте с лексемой кукла в его произведении появляются такие слова, как *плесень, черви, тленье, могильная, мрак, каменья, кладбище, могила*. Таким образом, кукла попадает в лексико-семантическое поле «смерть». Такая прямолинейность обусловлена ещё и тем, что Георгий Иванов принадлежит к акмеистам, стремившимся использовать слово в его прямом или, во всяком случае, не символическом значении. Кукла у Георгия Иванова обретает характеристику *восковая*. Это определение можно воспринимать

и как буквальное – воск был в 19 веке едва ли не самым популярным материалом для изготовления кукол [см., напр., Hall, G. Stanley, 1897, с. 8] – но и как эпитет. В последнем случае оно оказывается связанным не только с представлением о мёртвом теле, но и с понятием недолговечности (что близко к характеристике хрупкости у Валерия Брюсова), поскольку воск – мягкий, легко поддающийся повреждению материал. Хотелось бы отметить, что автор текста наследует традицию отождествления куклы и лирического субъекта, реализуя его предельно эксплицитно в первой же строке.

Заключение

В ходе исследования были отобраны стихотворения знаковых для поэтического дискурса Серебряного века авторов, стихи, в которых употреблялась лексема *кукла*, с целью изучения лексемы кукла с лингвистических позиций. Можно сделать вывод, что кукла реализована как в своём прямом значении «детская игрушка», так и в переносном метафорическом: в таком случае кукла чаще всего становится синонимична *человеку*. Поскольку кукла является поэтической метафорой, символом или парафразом человека, её «олицетворённость» варьируется от стихотворения к стихотворению: то кукла выступает в качестве объекта – игрушки, то – в качестве субъекта.

Контекст разобранных стихотворений вводит лексему кукла в лексико-семантические поля «детство» и «материнство», что вполне ожидаемо, но часто она оказывается в поле «смерти». Кукла ассоциируется с такими значениями и понятиями, как, во-первых, «беспомощность», «безвольность», «подчинённость», «молчаливость», «немота», «травмированность», «состояние жертвы», «объект немотивированной жестокости»; во-вторых, «хрупкость», «недолговечность» и «поломка»; в-третьих, «внутренняя пустота», «бездуховность», «равнодушие», «искусственность», «автоматизация», «внутренняя смерть»; в-четвертых, «отчаяние», «уединение», «изоляция». Кукла в рассмотренных текстах развивает семантику «беспомощности», «жертвенности», «недолговечности» и «смерти».

Таким образом, кукла в поэтическом дискурсе Серебряного века не только расширяет свою семантику от детской игрушки, традиционной бытовой детали до выражения многообразных состояний и эмоций (преимущественно негативных) лирического субъекта, но даже становится символом смерти.

Библиографический список

1. Анненский И. Ф. Избранные произведения. Ленинград : Художественная литература, 1988. С. 67.
2. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Ленинград : Советский писатель, 1990. С. 203–204.
3. Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. Москва : Изд. Скорпион, 1903. С. 249.
4. Белый А. Стихотворения: [репринтное воспроизведение сборника 1923 года]. Москва : Книга, 1988. С. 169.
5. Березняк Н. А. Образ человека в когнитивном и семантическом аспектах категории сравнения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 167–172.
6. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Москва : Худож. лит., 1961–1963. Т. 6. 556 с.
7. Брюсов В. Собрание сочинений в семи томах. Том 2. Стихотворения 1909–1917. Москва : Художественная литература, 1973. С. 168.
8. Григорьева В. С. Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №2. С. 46–57.
9. Иванов Г. Собрание сочинений в трёх томах. Том 1. Стихотворения. Москва : Согласие, 1994. С. 509.
10. Каравашкина М. Е. Народная игрушка как образ идеального мира. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012; № 2 (26). С. 125–129.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
12. Королёва В. В. «Гофмановский текст русской литературы» в творчестве русских символистов // Томск. Вестник Томского Государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 270–281
13. Никонов В. А. Анненский // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Москва : Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 1: Аарне — Гаврилов. 1962. Стб. 237.
14. «Серебряный век» // Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под редакцией проф. Горкина А. П. Москва : Росмэн, 2006. 984 с.
15. «Серебряный век» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и состав. А. Н. Николюкин. Москва : Интелвак, 2001. 1600 с.
16. Скатов Н. Н. Цветаева Марина Ивановна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. (П-Я). ИРЛИ РАН, Олма-Пресс, 2005. Т. 3. С. 619–623.
17. Случевский К. Собрание сочинений в шести томах. Санкт-Петербург : Издание А. Ф. Маркса, 1906. Том 1. Стихотворения. С. 183.
18. Стукалова О. В. Игрушка в русской классической поэзии. Москва : Humanity space International almanac VOL. 5, No 4, 2016. С. 613–627.
19. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. 2-е изд. Москва : Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 360 с.
20. Фещенко В. В. Эмиль Бенвенист – теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 226–237.
21. Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. Москва : Эллис Лак, 1994. Том 1. Стихотворения 1906–1920 годов. С. 113; 143.
22. Cureton R. Linguistics, Stylistics, and Poetics. Language and Literature. No 22. 1997. Pp. 1–43.
23. Gove A. F. The Feminine Stereotype and Beyond: Role Conflict and Resolution in the Poetics of Marina Tsvetaeva. Slavic Review, 36(2), 1977. Pp. 231–255.
24. Hall G. S., Ellis A. Caswell. The Study of Dolls. New York, NY : E.L. Kellogg & Co, 1897. 78 p.
25. Jakobson R. Linguistics and Poetics. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. Vol. 3 of Selected Writings. 7 Vols. The Hague : Mouton, 1981. Pp. 18–51.
26. Karlinsky S. «Annensky's Materiality». Freedom from Violence and Lies: Essays on Russian Poetry and Music, edited by Robert P. Hughes et al., Academic Studies Press, 2013. Pp. 86–96.
27. Kroth A. M. Androgyny as an Exemplary Feature of Marina Tsvetaeva's Dichotomous Poetic Vision. Slavic Review, 38(4), 1979. Pp. 563–582.
28. Shamina V. «Mystic Motifs in Silver Age Poetry and Prose». In Ghosts – or the (Nearly) Invisible: Spectral Phenomena in Literature and the Media, edited by Maria Fleischhack and Elmar Schenkel // Peter Lang AG, 2016. Pp. 161–69.
29. Strakhovsky L. I. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism, Canadian Slavonic Papers, No 4:1, 1959. Pp. 61–87.
30. Tiffany D. Toy Medium. Materialism and Modern Lyric. University of California Press, 2000. 351 p.
31. Tsur R. The poetic function and aesthetic qualities: Cognitive poetics and the Jakobsonian model // Acta Linguistica Hafniensia. No 42. Pp. 2–19.

Reference list

1. Annenskij I. F. Izbrannye proizvedenija = Selected works. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1988. S. 67.
2. Annenskij I. F. Stihotvorenija i tragedii = Poems and tragedies. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1990. S. 203–204.
3. Bal'mont K. D. Budem kak Solnce = We'll be like the sun. Moskva : Izd. Skorpijon, 1903. S. 249.
4. Belyj A. Stihotvorenija: [reprintnoe vosproizvedenie sbornika 1923 goda] = Poems: [reprint of the 1923 collection]. Moskva : Kniga, 1988. S. 169.
5. Bereznyak N. A. Obraz cheloveka v kognitivnom i semanticheskom aspektah kategorii sravnenija = Human image in the cognitive and semantic aspects of the category of comparison // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2009. № 118. S. 167–172.
6. Blok A. A. Sobranie sochinenij: v 8 t. = Collected works in 8 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1961–1963. T. 6. 556 s.
7. Brjusov V. Sobranie sochinenij v semi tomah. Tom 2. Stihotvorenija 1909–1917 = Collected works in

seven volumes. Volume 2. Poems 1909–1917. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. S. 168.

8. Grigor'eva V. S. Kognitivno-pragmaticheskie aspekty konstruirovaniya diskursa = Cognitive and pragmatic aspects of discourse construction // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2007. № 2. S. 46–57.

9. Ivanov G. Sobranie sochinenij v trjoh tomah. Tom 1. Stihotvorenija = Collected works in three volumes. Volume 1. Poems. Moskva : Soglasie, 1994. S. 509.

10. Karavashkina M. E. Narodnaja igrushka kak obraz ideal'nogo mira = A folk toy as an image of an ideal world // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2012; № 2 (26). S. 125–129.

11. Karasik V. I. Jazykovoju krug: lichnost', koncept, diskurs = The language circle: personality, concept, and discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.

12. Koroljova V. V. «Gofmanovskij tekst russkoj literatury» v tvorchestve russkih simbolistov = «Hoffmann's text of Russian literature» in the works of Russian Symbolists. Tomsk. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021; № 71. C. 270–281

13. Nikonov V. A. Annenskij = Annensky // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija / gl. red. A. A. Surkov. Moskva : Sov. jencikl., 1962–1978. T. 1. Aarne — Gavrilov. 1962. Stb. 237.

14. «Serebrjanyj vek» = The Silver Age // Literatura i jazyk. Sovremennaja illjustrirovannaja jenciklopedija / pod redakciej prof. Gorkina A. P. Moskva : Rosmjen, 2006. 984 s.

15. «Serebrjanyj vek» = The Silver Age // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij / glav. red. i sostav. A. N. Nikoljukin. Moskva : Intelvak, 2001. 1600 s.

16. Skatov N. N. Cvetaeva Marina Ivanovna = Tsvetaeva Marine Ivanovna // Russkaja literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. (P-Ja). IRLI RAN, Olma-Press, 2005. T. 3. S. 619–623.

17. Sluchevskij K. Sobranie sochinenij v shesti tomah. Tom 1. Stihotvorenija = Collected works in six volumes. Volume 1. Poems // Sankt-Peterburg : Izdanie A. F. Marksa, 1906. S. 183.

18. Stukalova O. V. Igrushka v russkoj klassicheskoj poezii = The toy in Russian classical poetry. Moskva :

Humanity space International almanac VOL. 5, No 4, 2016. S. 613–627.

19. Fateeva N. A. Pojezija kak filologičeskij diskurs = Poetry as a philological discourse. 2-e izd. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2017. 360 s.

20. Feshhenko V. V. Jemil' Benvenist – teoretik pojeticheskogo diskursa = Emile Benveniste – a theorist of poetic discourse // Kritika i semiotika. 2018. № 2. S. 226–237.

21. Cvetaeva M. Sobranie sochinenij v 7 t. = Collected works in 7 vols. Moskva : Jellis Lak, 1994. Tom 1. Stihotvorenija 1906–1920 godov. S. 113; 143.

22. Cureton R. Linguistics, Stylistics, and Poetics. Language and Literature. No 22. 1997. Pp. 1–43.

23. Gove A. F. The Feminine Stereotype and Beyond: Role Conflict and Resolution in the Poetics of Marina Tsvetaeva. Slavic Review, 36(2), 1977. Pp. 231–255.

24. Hall G. S., Ellis A. Caswell. The Study of Dolls. New York, NY : E.L. Kellogg & Co, 1897. 78 p.

25. Jakobson R. Linguistics and Poetics. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. Vol. 3 of Selected Writings. 7 Vols. The Hague: Mouton, 1981. Pp. 18–51.

26. Karlinsky S. «Annensky's Materiality». Freedom from Violence and Lies: Essays on Russian Poetry and Music, edited by Robert P. Hughes et al., Academic Studies Press, 2013. Pp. 86–96.

27. Kroth A. M. Androgyny as an Exemplary Feature of Marina Tsvetaeva's Dichotomous Poetic Vision. Slavic Review, 38(4), 1979. Pp. 563–582.

28. Shamina V. «Mystic Motifs in Silver Age Poetry and Prose». In Ghosts – or the (Nearly) Invisible: Spectral Phenomena in Literature and the Media, edited by Maria Fleischhack and Elmar Schenkel // Peter Lang AG, 2016. Pp. 161–69.

29. Strakhovsky L. I. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism, Canadian Slavonic Papers, No 4:1, 1959. Pp. 61–87.

30. Tiffany D. Toy Medium. Materialism and Modern Lyric. University of California Press, 2000. 351 p.

31. Tsur R. The poetic function and aesthetic qualities: Cognitive poetics and the Jakobsonian model // Acta Linguistica Hafniensia. No 42. Pp. 2–19.

Статья поступила в редакцию 03.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 03.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.